

УДК 140.8

Ценностные основания традиции: социально-философский ракурс

Хупения Нино Романовна

Аспирант,
факультет философии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский просп., 27/4;
e-mail: sinceranima@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения традиций и ценностных ориентаций индивида, в разрешении которого, по мнению автора, лежит ключ к объяснению динамики традиции в жизни социума. Автор вводит понятие «ценностный статус традиции», с помощью которого устанавливает степень значимости для индивида тех традиций, которые поддерживают или воспроизводят ценности на протяжении многих поколений. Автор выявляет, что данный статус формируется в результате ценностного отношения к традиции, под которым следует подразумевать как ее осмысленную оценку и отбор индивидом в зависимости от своих предпочтений, так и соотнесение традиции со своими ценностями на подсознательном уровне. В результате социально-философского анализа автор приходит к выводу, что масштабные социальные трансформации, приводящие к переосмыслению ценностных оснований бытия, непосредственно воздействуют на ценностный статус традиции, обуславливая ее динамизм.

Для цитирования в научных исследованиях

Хупения Н.Р. Ценностные основания традиции: социально-философский ракурс // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 152-160.

Ключевые слова

Традиции, ценности, ценностный статус традиции, социальные изменения, динамизм традиции.

Постановка проблемы

В процессе своего исторического развития любое общество, как и человечество в целом, подвергается череде социальных трансформаций, приводящих к переосмыслению ценностных оснований бытия и разрушению привычного уклада жизни. Несмотря на нелинейный

характер процессов общественного развития, накопленные ценности духовной и материальной культуры, как правило, не исчезают бесследно, а сохраняются и передаются из поколения в поколение преимущественно благодаря традиции.

Однако социальные перемены воздействуют, в свою очередь, и на саму традицию, преобразуя ее содержание и ценностный смысл в общественном сознании. Перемены могут быть вызваны как факторами эволюционного содержания, например «просачиванием» культурных образцов из одного общества в другое, так и революционными факторами, приводящими к всесторонним, коренным изменениям общества. В отличие от статичных условий, когда процесс переосмысления традиции протекает сравнительно медленно, иногда растягиваясь на столетия, динамично протекающие преобразования общественной жизни способны привести к резкой переоценке традиции и выполняемых ею функций. В этой связи в зависимости от степени приверженности к традициям одни общества консервируют, обретают или «изобретают» традиции, становясь более традиционными, другие – утрачивают, ослабляют или разрушают их, превращаясь в общество секуляризованное.

Каковы же механизмы, лежащие в основе динамики традиции? Почему традиция возникает и существует в жизни человека на протяжении длительного времени, а затем исчезает, возрождается или разрушается? Актуальность данных вопросов обуславливается, в частности, недостаточным вниманием, уделенным в социально-философской литературе проблеме соотношения сложившихся у индивида ценностных ориентаций – совокупности осознанных устойчивых представлений (социальных установок и убеждений) о предметах и явлениях природно-социального бытия, – и традиций, носителем которых он является. В то же время именно характер взаимоотношений между данными категориями предопределяет, на наш взгляд, дальнейшую судьбу самой традиции в жизни социума.

О ценностном статусе традиции

Для подтверждения данного тезиса представляется целесообразным уделить внимание ценностным основаниям традиции и для начала – ввести понятие «ценностный статус традиции». Под этим термином мы подразумеваем место традиции в «аксиологическом пространстве человеческого бытия» и обозначаем значимость традиции для реализации / воспроизводства индивидом своих ценностных ориентиров (таких как почитание предков, приверженность к религиозным заповедям или нравственным принципам, стремление к справедливости, привязанность к своему этносу, уважение к старшим и т.д.). Иными словами, ценностный статус традиции есть производная от ее положения в ценностной «системе координат» индивида. Данный статус определяется в результате ценностного отношения индивида к традиции, т.е. тем, насколько значимы для него те традиции, которые поддерживают ту или иную ценность, и насколько велик их потенциал по сравнению с другими способами сохранения и реализации ценностей.

Традиция, имеющая высокий ценностный статус, выступает важнейшим «каналом для прохождения» ценностей в реальный мир, она прочно закрепляет их в сознании индивидов, передаваясь, как правило, от поколения к поколению. Посредством следования традиции индивид «входит» в культурно-историческое пространство социума и усваивает языки своей культуры, убеждения и поведенческие практики. Она позволяет индивиду ощущать себя частью этноса (общности, культуры), соотносить себя с прошлыми поколениями, поддерживать и воспроизводить ценностные ориентиры на протяжении многих поколений. Например, как показывает российский исследователь М.Н. Зыкова, совершение церемонии бракосочетания по конкретной традиции (смотрины, сватовство, сговор (рукобитье), девичник, венчание) несет в себе психотерапевтическое значение для индивида [Зыкова, 2006]. В этот момент он чувствует непосредственную связь со своими предками, которые совершали данную церемонию аналогичным образом на протяжении многих поколений, что дает ему ощущение структурированности своей жизни. Следование такой традиции воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как естественная практика поведения при бракосочетаниях, не требующая осмысления. Эта традиция подчеркивает отличительные особенности социальной группы и направлена на воспроизводство из поколения в поколение такой ценности как преданность своему этносу, общности, семье.

Важно подчеркнуть, что ценностное отношение может выражаться как в осмысленной трактовке традиции, ее осознанном отборе или оценке индивидом в зависимости от своих предпочтений, так и на уровне не до конца осознанном (осмысленном): индивид следует ей, исходя из усвоенных им ценностных установок, но не предаётся рефлексии о ней. Традиция в последнем случае выступает своего рода естественным канонам, соотносящим индивида с его жизненными принципами и установками и не требующим осмысления.

Таким образом, традиция воспринимается и оценивается ее носителем в соотношении со своими мировоззренческими ориентирами, и имеет вполне определенный ценностный статус в его сознании. Следовательно, любые социальные изменения, инициирующие переоценку ценностей в сознании индивида, оказывают непосредственное воздействие на ценностный статус традиции, обуславливая ее динамизм (например, укрепляя приверженность индивида к традиции или, наоборот, ослабевая ее присутствие в его жизни). Характер воздействия этих процессов зависит, прежде всего, от «прочности» связки «ценность – традиция». Вызовы, грозящие разрушить устоявшиеся ценностные ориентиры, зачастую обостряют стремление индивидов или общности к самосохранению, и как результат вызывают ревностную охранительную реакцию, которая выражается в усилиях по укреплению авторитета традиций. Представляется, что общности, которые преодолели такие вызовы, характеризуются высоким ценностным статусом традиции.

Как известно, ориентир на строгое соблюдение традиций способствовал сохранению мировоззренческих установок еврейского народа и его сплочению в самые бедственные и кризисные моменты истории. Иудейские ученые-богословы, в стремлении удержать народ

в единстве и не дать раствориться сложившимся за многие поколения ценностям в «чужеродной» среде, постоянно усиливали регламентацию поведения членов своих общин. До мельчайших деталей разрабатывался свод строгих предписаний и ритуалов, составлялись сотни обязательных молитв и обрядов, которые неукоснительно должны были выполняться всеми. Одновременно велась упорная борьба против чуждых нравов и традиций: запрещалось изучать книги и культуру «иноверных», вступать с ними в брак, заводить дружбу, принимать от них подарки и т.д. При этом иудеи, как бы тяжело им не приходилось, ревностно следовали установленным предписаниям и запретам, подчиняя им свою жизнь. Столь жесткие меры, как отмечает немецкий писатель Л. Фейхтвангер в своей трилогии об Иосифе Флавии, оправдывались тем, что «нация может быть сохранена только через единообразное поведение, только путем строгого соблюдения свода ритуалов» [Фейхтвангер, 2010, 338]. Как следствие, иудеи смогли преодолеть кризисные периоды, сохранить многие ценности и создать устойчивую и стабильную социальную систему.

Социальные изменения несут в себе угрозу ценностям, придающим членам общности ощущение своей причастности к сакральной сущности, Абсолюту. Принцип функционирования традиции как специфического модуса мировосприятия заключается в центрированности вокруг абсолютных (сакральных) ценностей, обеспечивающих связь с трансцендентным. Причастность к ценностям через традицию дает ощущение стабильности и незыблемости социального бытия. Социальное наследие, транслируемое из поколения в поколение посредством традиции, отражает совокупные усилия членов общности по раскрытию и передаче ключевых ценностей, а также по осуществлению причастности к сфере сакрального. Как показывает один из наиболее авторитетных современных исследователей мифологий, французский философ румынского происхождения М. Элиаде, человеку присуща способность и потребность жить не только в историческом времени, но и трансисторическом символическом континууме мифа и ритуала [Элиаде, 2010]. Ощущение сакрального избавляет индивида от множества страхов, включая страх смерти. К примеру, религиозная традиция христианства учит относиться к смерти как к естественному явлению и расценивать ее как временное разлучение души и тела. Отсутствие страха перед смертью связано с надеждой на вечную жизнь в Царствии Небесном. Подобным образом традиции и традиционные установления, в частности, в религиозной и повседневной жизни, помогают индивиду преодолеть и пережить ключевые жизненные события, такие как крещение, брак, смерть, и сделать переход в иное состояние более естественным, смягченным. Традиции становятся неотъемлемой частью естественного отношения к происходящему и, тем самым, еще глубже проникают в социальный характер личности, формируя, по словам немецкого историка религии и культуры Я. Ассмана, дополнительное темпоральное единение и измерение культуры [Ассман, 2004, 60].

В то же время стоит отметить, что в общностях с высоким ценностным статусом традиции индивид в определенной мере ограничен в свободе индивидуального и творческого

самовыражения, поскольку следование традиции подразумевает совершение утвержденных типизированных действий. Традиция в этом случае избавляет индивида от необходимости совершать выбор или самостоятельно принимать решения. Однако по верному утверждению Э. Фромма, за такое «комфортное существование» приходится платить невероятную высокую цену – становится подчиненным, зависимым, а также добровольно соглашаться на блокировку развития своего разума [Фромм, 1999, 105]. Кроме того, для индивида «включается» механизм экзистенциального страха: совершение нестандартного поступка вопреки предписаниям может повлечь за собой всю полноту ответственности. Общество, регулирующееся традициями, характеризуется доминированием коллективных решений над частными интересами, поэтому действие, совершенное наперекор принятой традиции, всегда предполагает индивидуальную ответственность. На это акцентирует внимание российский философ А.А. Ивин, согласно которому в обществе с коллективным типом мышления «даже просто не стандартизированное поведение» вызывает осуждение большинства, а следование установившимся образцам поведения или регламенту «расценивается как несомненная моральная доблесть и не кажется стесняющей индивида» [Ивин, 2000, 342]. Регулярное повторение какого-либо образа, действия, жеста, традиции подтверждает, по словам российского историка В.Б. Иорданского, «извечность выражаемых тем самым идей и представлений, более того, извечность заключенного в них содержания» [Иорданский, 1982, 57]. В этой связи, за любой совершенный самовольный поступок или отход от установленного стереотипа, как правило, следует наказание. Во избежание общественного осуждения, индивидам привычнее следовать даже самой одиозной традиции, нежели сопротивляться и действовать против коллективных представлений.

Тотальное подчинение традиции наглядно продемонстрировано в кинофильме С. Имамумы «Легенда о Нараяме» (снятого в 1983 году по мотивам рассказов Ситиро Фукадзавы) [Рехо, 1972]. Действие разворачивается в XIX веке в отдаленном японском поселении, жители которого строго чтут свои традиции. Члены общины, согласно сложившимся за многие века устоям отправляют жителей, достигших пожилого возраста, на вершину горы Нараяма умирать голодной смертью в одиночестве. Героиня картины, будучи пожилой, но крепкой и здоровой женщиной, демонстрирует сверхчеловеческую волю и, добровольно отправляется умирать на гору. Она ставит чувство долга превыше всего и без сомнения жертвует собой во избежание общественного порицания.

Подобное поведение, на наш взгляд, объясняется и тем, что в обществах с высоким ценностным статусом традиции для каждого индивида конституируется конкретное место в системе социальной иерархии, где ему гарантированно определено отношение со стороны других членов общества. Индивиды в стремлении сохранить свое «доброе имя» либо социальный статус, беспрекословно соблюдают все необходимые установления, предписанные традицией. В качестве примера можно привести похоронную ритуальную традицию индуизма – сати, в соответствии с которой вдова подлежит сожжению на специально соору-

женном погребальном костре вместе с покойным супругом. Согласно этой традиции, вдова считается виновной в том, что пережила мужа, и самосожжением как бы искупает свою «вину», выражает преданность супружескому долгу и верность своему мужу даже после смерти. Сати стал неотъемлемой частью индуистской религиозной и социальной жизни и настолько глубоко проник в сознание, что любые официальные запреты на его проведение регулярно вызывали волну демонстраций возмущенных женщин.

Необходимо также учитывать психологическую и социальную неоднородность общества, в котором всегда присутствуют индивиды, действующие вопреки традициям в соответствии своим идеалам и убеждениям, стремящиеся к реализации собственных, не обусловленных мнением большинства целей и идей. Их действия расцениваются как предательство, караются наложением клейма позора и изгнанием из общности, как это распространено, например, среди горцев Грузии и народов Северного Кавказа. Как указывает грузинский историк Н.Г. Джалабадзе, принятые в этих общностях традиции подразумевают «принудительное признание ценностей и принуждают членов группы блюсти нормы поведения по отношению к этим ценностям», причем их пренебрежение карается вечным изгнанием [Джалабадзе, 2008]. Яркой иллюстрацией судьбы людей, которые в виду личностных побуждений отказываются следовать вековым традициям своей общности, является кинофильм Тенгиза Абуладзе «Мольба». В основе фильма – поэма известного грузинского писателя и поэта Важи Пшавелы «Алуда Кетелаури», повествующая о кровной вражде между горцами-хевсурами (христианами) и кистинами (мусульманами). Храбрый воин-хевсур Алуда, преданный заветам своей общины, убивает в бою иноверца кистина. Однако, видя как мужественно сражался поверженный враг, герой отказывается исполнить древнюю традицию отсечения десницы. «Голос сердца мне дороже», – говорит он и противится бесчестить после смерти отважного кистинца. За это хевсур осмеян и осыпан оскорблениями:

«...Ты убежал от кистов, пес!
Ты бабой стал. Убил Муцала,
А что ж десницу не привез?
Зачем тебя в погоню гнало?
И повернулись все спиной
К Алуде, полные презренья,
И поднялись к себе домой,
И опустело все селенье.
Стоит Алуда, одинок,
Насмешкой злобною уколот.
Впервые нынче, видит Бог,
Его корит и стар, и молод...».

Ослушание воли старейшин и невыполнение издревле соблюдаемого обычая вызывает негодование односельчан, которые с проклятиями изгоняют Алуду вместе с семьей из

родной общины и сжигают его дом. Персонаж воина-хевсура – образ классического героя, восставшего против толпы, против заветов старины.

Как видно, представители «общества традиции» должны твердо следовать установившейся модели поведения, основываясь лишь на интуитивном убеждении, что «так принято» и «так поступали наши предки». Несомненно, у индивидов, критически настроенных против конкретной традиции, прослеживается глубокая психологическая ломка в моменты выбора: быть верным традиции (и сохранить свою честь), или поступить наперекор (и предать коллектив, обрекая себя и близких на последующие страдания).

Заключение

Можно заключить, что в обществах с высоким ценностным статусом традиции доминируют консервативные воззрения, ценностные ориентиры возводятся в ранг сакральных и не подлежащих переосмыслению, а их защита и воспроизводство становятся частью государственной идеологии. Общества с низким ценностным статусом традиции, напротив, обращаются к традиции ситуативно, в моменты, когда следование ей не связано с издержками и ограничениями. Однако, такое общество сильно подвержено социальным трансформациям: под воздействием этих процессов в ней размываются ценностные ориентации, утрачиваются нормы и устои, доставшиеся от прошлых поколений, теряется связь с предками. Между традицией и сложившимися, но уже неактуальными ценностными ориентирами нарушается функциональная связь. Это в свою очередь чревато ценностным кризисом и последующей дезориентацией членов общества, размыванием моральных устоев, психологическим нигилизмом, метанием от одних ценностей к другим и т. д. Вырванное из контекста традиции сознание предстает «сознанием нигилистическим», т. е. не базирующимся на определенной ценностной иерархии и имеющим поверхностную и внутренне противоречивую аксиологическую систему.

В то же время следует заметить, что смена ценностных ориентиров, сопровождающееся замещением устаревших ценностей новыми, более адаптированными и соответствующими духу времени, может оказаться весьма успешным для социума. Критически настроенные к традициям индивиды, будучи освобожденными от сложившихся предписаний и моделей поведения, могут способствовать социальному и интеллектуальному прогрессу, привнести новые знания и обеспечить успешный переход социума на новый уровень развития. Носители традиции уже не в силах противостоять переменам, а сами традиции неспособны выполнять функцию негенетической передачи накапливаемого опыта и духовной информации из поколения в поколение.

Таким образом, представляется, что обращение к ценностным основаниям традиции позволяет значительно расширить возможности для объяснения динамики традиции в исторической перспективе, глубже осмыслить данный феномен, точнее рассмотреть и понять различные аспекты его существования, особенно в условиях радикальных трансформаций, периодически и повсеместно переживаемых социумом.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Джалабадзе Н.Г. Моральные ценности и религия горцев Восточной Грузии // Рошин М. Ю. (ред.) Особенности религиозного сознания Грузии. 2008. URL: http://krotov.info/library/04_g/ru/ia_13.htm
3. Зыкова М.Н. Фольклоротерапия: структурирование жизни через обряд. Воронеж: Модэк, 2006. 80 с.
4. Ивин А.А. Философия истории. М.: Гардарики, 2000. 528 с.
5. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982. 343 с.
6. Рехо К. (ред.) Японская новелла 1960-1970. М.: Прогресс, 1972. 448 с.
7. Фейхтвангер Л. Сыновья. М.: АСТ, 2010. 480 с.
8. Фромм Э. Революция надежды. СПб.: Ювента, 1999. 243 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 256 с.

Valuable foundations of tradition: social and philosophical view

Nino R. Khupeniya

Postgraduate,
philosophy department,
Lomonosov Moscow State University,
19991, 27/4 Lomonosovsky av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sinceranima@gmail.com

Abstract

The article discusses the issue of relations between traditions and value orientations of individual. In the author's opinion, the key to explaining the dynamics of tradition in the society lays in the solution of this issue. The author introduces the "value status of tradition" as new concept, which helps to establish the level of significance for an individual of those traditions that maintain or reproduce values for many generations. The author reveals that this status is formed on a basis of the value attitude to the tradition, understood as its meaningful evaluation and selection done by the individual according to his preferences, and as the correlation of tradition with his values at the subconscious level. From his social and philosophical analysis, the author concludes that large-scale social transformations, leading to the rethinking of the

value bases of being, directly affect on the value status of tradition, stipulating its dynamism. Between the tradition and established values, already irrelevant, the functional connection is broken. The appeal to the value foundations of the tradition makes it possible to significantly expand the possibilities for explaining the dynamics of tradition in the historical perspective, to deeper comprehend this phenomenon, to more accurately consider and understand various aspects of its existence, especially under conditions of radical transformations that are periodically and widely experienced by the society.

For citation

Khupeniya N.R. (2017) Tsennostnye osnovaniya traditsii: sotsial'no-filosofskii rakurs [Valuable foundations of tradition: social and philosophical view]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 152-160.

Keywords

Traditions, values, the value status of tradition, social changes, dynamism of tradition.

References

1. Assman J. (1992) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich (Russ. ed.: Assman J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. Moscow).
2. Dzhahabadze N.G. (2008) Moral'nyye tsennosti i religiya gortsev Vostochnoy Gruzii [Moral values and religion of the mountaineers of Eastern Georgia]. In: Roshchin M.Yu. (ed.) *Osobennosti religioznogo soznaniya Gruzii* [Features of the religious consciousness of Georgia]. Available at: http://krotov.info/library/04_g/ru/ia_13.htm [Accessed 13/01/2017].
3. Eliade M. (1995) *Aspects du mythe*. Gallimard (Russ. ed.: Eliade M. (2010) *Aspekty mifa*. Moscow).
4. Feuchtwanger L. (1935) *Die Söhne*. Querido Verlag (Russ. ed.: Feuchtwanger L. (2010) *Synov'ya*. Moscow: Ast Publ.).
5. Fromm E. (1968) *The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology*. Harper & Row (Russ. ed.: Fromm E. (1999) *Revolutsiya nadezhdy*. Saint Petersburg: Yuventa Publ.).
6. Iordanskiy V.B. (1982) *Khaos i garmoniya* [Chaos and harmony]. Moscow: Nauka Publ.
7. Ivin A.A. (2000) *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: Gardariki Publ.
8. Rekho K. (ed.) (1972) *Yaponskaya novella 1960-1970* [Japanese novel 1960-1970]. Moscow: Progress Publ.
9. Zykova M.N. (2006) *Fol'kloroterapiya: strukturirovaniye zhizni cherez obryad* [Folklore therapy: structuring of life through a rite]. Voronezh: Modek Publ.